

ДВА ВОПРОСА

*А ну, попробуй не ответить, русский,
Ты знаешь, что такое рай и ад?
Уже по-аглицки, и по-французски,
И по-китайски дети говорят.*

*Но разве зря запомнил ты от века,
Что нам навеки памятью дано –
Свою дорогу из славян во греки?
И Куликово? И Бородино?*

*А если русским словом и пространством,
Которые всей жизни на виду,
Владеешь ты, на зависть иностранцам,
Ты всё считаешь, что живёшь в аду?*

*А ну, попробуй, русский, не ответить,
А то тебя я уж не узнаю,
Так где ты есть, разбросан по планете?
Ты всё ещё считаешь, что в раю?*

** * **

*В общем доме человечества
Продолжаю науцать,
Что защитников Отечества
Тоже надо защищать.*

*Пусть они такие смелые.
Пусть ответ за нас несут.
Помогите, ночи белые,
Им черёмухой в лесу.*

*Пусть они – огнеупорные,
С верой праведной в глазах.
Помогите, ночи чёрные,
Им звездою в небесах.*

*Потому что человечество
Разорит и ум, и честь,
Коль защитников Отечества
Не научится беречь.*

** * **

*Мне говорили: сильная,
А я бывала слабою.
Смеялись люди сытые:
Была бы лишь не бабою.*

*А бабою бывала я,
Поскольку истерически
Не быть в России бабою –
Не выжить исторически.*

СТРАНА

Заворочалась страна, заворочалась.
По обочинам пошла, по проталинам.
До чужого, как всегда, неохочая,
На своё пошла смотреть, что оставила.
Что по жалости растратила походя.
Что по глупости лишила доверия.
Да ещё залюбовалась эпохами,
Да ещё поужасалась потерями.
Говорили, мол, пропала до доньшка,
А она на это доньшка глянула,
Разглядела там горчичное зёрнышко
И наладилась растить его заново.
Вот и спрашиваю я разлюбезную:
– Ты чего, страна, живёшь-кочевряжишься?
То ль забыла свою высь поднебесную?
То ль поверить в свою суть не отважишься?
– Отвяжись, – сказала мне разлюбезная, –
Поведу плечом, ещё душу тронете...
Только цель пока моя неизвестная,
Вот решу, куда идти, – не догоните.

ПОКАЯНИЕ

Певцу Русской земли,
смоленскому поэту Виктору Смирнову

Он был большим, не зная, что великий.
Он в клоунату встречи превратил.
Когда в его я заглянула книги,
Я ужаснулась: как он страшно жил.
Какая боль вошла в страницы эти,
Любовь какая и какое зло.
Как был он одинок на белом свете,
Хотя писал, что с жизнью повезло.
«...В деревне осень стылая. Сырая.
Тоскуя без друзей в своей дыре,
Я бы давно повесился в сарае,
Не будь коровы на моём дворе.
Путь озарив берёзовой корою,
Грустя в столицах, веселясь в лесах,
Я бы давно зарезался косою,
Не будь коня на заливных лугах».
Не повезло ни с женщиной, ни с другом.
Зато об этом как сумел он спеть.
Как он писал жестоко и упруго.
Как Родине служил, родная ведь.
Пусть «в этой жизни умирать не ново»,
Но, принимая жизнь его навзрыд,
Ты, Русь, запомни Виктора Смирнова!
Ведь это он с тобою говорит:
«Возвышенными не соря словами,
Стараясь в меру плакать и шутить,
Эпоха наша сгинет вместе с нами.
Ей после нас нет вовсе смысла жить».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Памяти О. К. Мирошниченко-Кулагиной

Так ты, Дальний Восток, не дождался, что
мама вернётся.
Что уснёт навсегда, не услышав дыханье твоё.
Нам она о тебе говорила, как будто о солнце,
Что горело в душе и всю жизнь согревало её.

Нам она говорила: «Там люди живут
по-другому.

Океан не даёт мелочиться. И лгать –
не могу!»

И мы видели берег другого совсем окоёма.
А купальницы наши у них назывались жарки.

И кета продиралась, хребтами прижавшись
друг к другу,

К нерестилищам вечным. И дыбился
Владивосток.

И ходили суда по экватору, словно по кругу.
И всему настоящему там начинался исток.

Ключевская дымилась. И гейзеры стадом
весёлым

Норовили пробиться на волю сквозь
замкнутый круг.

И сплетались сюжеты во мне, как Хасан
с Халхин-Голом.

И Дерсу Узала почему-то мерещился вдруг.

Всё потом оказалось и яростнее, и страшнее.
И коснулось семьи. И коснулось романтиков,
нас.

Только я до сих пор по-другому смотреть
не умею

На родимую землю, где мама моя родилась.

РУССКИЙ ИСХОД

Всё снизошло до главной простоты:
Народа нет. Он полностью изношен.
Изношены любимые мечты.
И вера в Бога. И асфальт подоше.

Изношены и нежность, и печаль.
И государства карточного домик
Рассыплется, чихни вдруг, невзначай
Какой-нибудь заокеанский гномик.

И только Бог не верит, что конец
Народу, выжившему на безлюдье.
И «Отче наш» вручает как венец.
Как голову Крестителя на блюде.

ПЯЛЬЦЫ БОГА

Михаилу Попову (г. Архангельск)

*А на русской канве – крест и месяц синий.
А на русской канве в пальцах – небеса.
А на русской канве вышита Россия.
Все народы её, кто – глаза в глаза.
Нам назначено быть Родины основой.
Мы на русских плечах держим груз веков.
Дванадцать племён. Поле Куликово.
Дванадцать племён. Сорок сороков.
Мы рогожка, мы лён. И на пальцах Бога
Мы – основа-канва для Святой Руси.
Вышивает Господь Русскую дорогу,
Начинает её прямо с небеси.
А на русской канве, как цветы, народы
Восхищают сердца, берегут канву.
Вышивает Господь русскую природу,
А имеет в виду Русскую судьбу.
Я в бессмертную даль, не умею ближе,
Загляжусь, как в любовь, чтоб себя сберечь.
Я на русской канве всех нас вместе вижу
И сквозь кольца времён нашу слышу Речь.*

* * *

Памяти Кузьмы Васильевича Кулагина

*Что, дед Кузьма, так и стоишь на дне
В Авачинской в цепях с колосниками.
А может, возвращаешься ко мне
Морской волной, в которой лёд и пламя.*

*А сын твой тоже умер как герой.
Сгорел он в танке, там, под Сталинградом.
А дочь твоя, любимая тобой,
Нам стала мамой. Жизни всей наградой.*

*Что, дед Кузьма, не выпало нам встреч:
Я родилась десятилетьем позже.
Но свой характер и родную речь
Ты через маму передал мне тоже.*

*И только я боюсь глядеть на дно
Любых морей, и, подступая ближе,
Я каждый раз всё вижу там одно:
Мне кажется, что я тебя там вижу.*

